

П. ШИМАКОВ

НАСЛЕДНИКИ

РАССКАЗ

В ЕТЕР налетал порывами, шумел старым тополем под окном и тут же утихал. Но ненадолго. Словно бы он где-то в темноте притуливался, накатывала сила, и вновь выль собачьи в застрехах старого дома.

Купцов проснулся давно. Лежал на спине, запрокинув руки под голову. Прислушивался к разгулу ветра, думал о себе, о своем саде, о собаке. Но думы были неконкретные. А общие. Сад у него хороший. Урожай и нынче добрый. Надо заготовить стеклянных банок под варенье. Часть урожая на базар, снесет... Собака — верный страж у Купцова. Таких собак поискать надо. Скоро проволоку стоит протянуть через сад и спускать кобели. А то пацаны с соседних улиц, поди, готовятся уже сейчас к своим разбойничьим налетам...

Четыре года назад умерла старуха, а еще раньше уехала дочь из родного дома на стройку, там и вышла замуж. О Насте думать не хотелось. Даже когда он ее не видел и видеть не желал. Ее поступка он простить не может...

Все чаще и чаще приходили мысли к Купцову о его одиночестве. Но он от них всячески старался отмахнуться. Особенно находила на него тоска вот в такую непогоду. Оттого и не любил он ее.

Только под утро ветер окончательно стих, и прошел короткий дождь. Под мерный стук дождевых капель опять подумал о собаке: «Дозор на привязи. Уже стар. Надо бы пригнать где щенка...»

Когда рассело, дождь перестал. Дом погружился в тишину. Но вставать не хотелось. Побаливала голова. Вчера, по случаю субботы, он с мужиком вышел. К тому же в воскресенье он не знал, как убить время.

Солнце появилось неожиданно. Тугие лучи пробилась сквозь щели ставен, ударили старику в глаза, и он, кряхтя, поднялся с постели, ногами отыскал галоши, запустил руку под полотняную рубаху и заскорюлыми желтыми пальцами с темными ногтями начал чесать волосатую грудь, и думал: ставни вчера не заломил. Негоже такое допускать. И как другие пьют кажен день? И боль в голове, и расход к тому же... Вон взять Ефимку...

Потом Купцов откашлялся, из-под подушки вытаскил большой кисет с доморощенным сажадом. Взял газетный приموгольник из кармашка кисета, свернул сигарку и прикурил. Долго курил длинными затяжками. Поднялся. Накинул на плечи старую фуфайку и вышел на улицу.

Земля легко парила от недавнего дождя, и воздух чуть отдавал запахам свежестранного белья. Стоял, ждал, когда выберется из конуры Дозор.

Предчувствие беды кольнуло сердце: не хватало знакомого повизгивания и грохота цепи по натянутой через всю ограду проволоке.

— Дозор?! — тревожно окликнул Купцов.

Задыхаясь от спазмы в горле, Купцов медленно спустился с крыльца и, бороздя галошами по влажной земле, направился к конуре, с трудом восстанавливая ноги. Собака не показывалась. Старик постоял, еще на что-то надеясь, потом осторожно взглянул за цепь и потянул на себя, ожидая увидеть преданные глаза. Цепь не поддавалась. Сделал упор на правую ногу и потянул сильнее. Изю всех сил с трудом выволокнул обмякший труп большого старого кобеля. Шерсть на нем вздыбилась, как в студеный день.

Купцов опустился на колени, не заботясь, что замерзает штаны, и тоскливо погладил охолодевшую морду собаки. В открытые глаза притянулись отчужденные и равнодушные. Старик увидел себя в этих неподвижных стеклышках крохотным-крохотным, и его охватила такая боль, что он закрыл глаза и глухо застонал. Даже после смерти старухи Купцов не чувствовал себя таким одиноким и слабым.

Что же это за каверкот в жизни получается, Дозор? Уж я ли тебя не кормил и не берег? А ты вот так, запросто и ушел от меня? Хорошо ли ты сделал? Не подумал о том? Осторожно снял крюк ошейника, зашел в амбар, взял лопату-штыковку и в саду, за стайкой, вырыл яму. Надергал дугового переделанного сена, устелил им дно и только тогда вернулся к кобелю. Постоял в молчании несколько минут, затем просунул руку под холодный, засаленный ошейник, стараясь не глядеть в стеклышко-осоловелые глаза, потянул собаку к яме. Поднял Купцов взгляд навстречу кинулся широкий, в солнечной ряби сад, и в груди снова защемило: кто охранять теперь будет?

Пока дотащил до ямы Дозора, пока укладывал его и насыпал небольшой горбачий холмик, не в меру намазав руку отяжелела, подкашивались ноги.

Купцов положил руки на черенок лопаты, оперся грудью и так стоял долго. Когда малость отпустило в груди, старик с тревогой осмотрел весь сад, стайки, крестный амбар, срубленный в лапу, дом пятистенный, посмотрел на окраину города, где уже тянулся пустырь с волнами городского мусора и глубоко и тяжко вздохнул.

«Настя-то, Настя каковой оказалась, — подумал старик. — Как можно вот так собратся и уехать к чорту на куличики, из родительского дома? Ну, вышла замуж за какого-то прохвоста, за голыша несусветного, ну, взяла бы да приехала к нему с поклоном, и он немного и помог бы им устроить жизнь. А там отработали свой срок, говорит, после техникума надо отработать, и совсем разрешил, может быть, вернуться. Так нет, взбриндила... Понятия нет никаких о жизни у этой молодежи. Нет своего ума, хоть бы у старших одолжили... У Дозора ума и то больше...»

— Мда... как же я без собаки? — заговорил вслух Купцов. — Совсем один... и жил бы худо, а то добра сколь... Кому все?

Снова посмотрел на сад и понес лопату в стайку. Оттуда вышел, постоял, раздумывая, чем бы заняться, направился в кладовую. Взял с полки станок с краской, плеснул в него олифы и медленно размешал.

На воротах прибита металлическая пластина, на которой надпись: «Берегись злой собаки!» Надпись давно выгорела, облупилась и не бросалась в глаза. Купцов давно собирался подновить ее, но все не доходило руки. А сейчас это сделать необходимо. Пока соседи вызнают о смерти Дозора, он заведет новую собаку. Придется зайти к Ефимке. Тот знает полгорода. И за четок достанет щенка. Ефимка живет в другом конце города и идти к нему несподручно, но что поделаешь, коли такая беда свалилась. Сад к тому же обещает дать большой урожай...

(Продолжение следует).

Заветы Ленина,
1975, 11 января, с. 4.

Редактор
В. И. КОРАБЛЕВ.